

СОВЕТСКИМ КУЛЬТУРА
г. Москва

6 МАР 1984

Звуч

ГОВОРЯТ, мышление настоящего поэта в чем-то сродни мышлению ребенка. То же удивление перед миром, перед его красотой и сложностью, та же чистота взгляда, та же уверенность в том, что хорошего в жизни гораздо больше, чем плохого. Разница же, наверное, в том, что поэт, опираясь на собственный опыт и опыт поколения, не только вопрошает, но и утверждает, а боль и горечь, скопившиеся в сердце, переплавляет в строки, которые должны внушить людям мужество и веру в жизнь.

Мустай Карим — настоящий поэт. Поэт и в своей прозе, и в своей драматургии.

Когда я впервые прочел его повесть «Долгое-долгое детство» (потом не раз еще возвращался к ней), она меня буквально обожгла. Покорили ее поразительная откровенность, ее исповедальность. Она имеет в высшей степени личный характер и вместе с тем поражает полным отсутствием эгоистичности. Заглядывая пристально в собственную душу, автор относится к себе и читателю с большим достоинством. Это достоинство — вообще одна из важных для меня

Возвращаясь к истокам

черт в творческом облике Мустая Карима.

Поразительно передана в повести неразрывность судьбы отдельного человека и судьбы страны, всеобщность нашего бытия. В какой-то момент во время чтения, когда я полностью погрузился в мир повести, мне показалось, что строки, которые я читаю, — и о моем отце, и о жизни моей семьи.

Эта повесть напоминает всем и прежде всего наверное, нам, людям, имеющим отношение к искусству, о важности возвращения к истокам, к родниковой чистоте нашего детства. Я помню, как на одной из встреч с актерами нашего театра Карим сказал: «Человек, который не сохранил в себе свое детство, не возвращается к нему, — неполноценен». Мне кажется, эти слова особенно важно было услышать тем, кто работает в нашем, детском театре.

Многое привлекло меня в повести. И мощная лирическая струя, которая словно со-

единяет контрастные на первый взгляд составляющие книги: здесь и притчи, и легенды, и веселые прибаутки, и припевки. И удивительно зримо нарисованные фигуры героев и персонажей повести: полная достоинства, доброты и мудрости Старшая Мать, мальчик Асхат с его драматичной судьбой, Круглый Талип, вобравший в себя много национального, корневого... Что подкупает в людях, с которыми знакомит нас повесть? Рядом с наивностью мы видим высокую духовность и внутреннее благородство. В этом обыкновенном, простом ауле, куда ведет нас за собой Мустай Карим, существуют простые и справедливые представления о добре и зле, о чести и бесчестии. Да, пожалуй, зря я употребил слово «наивность». Точнее было бы здесь слово «чистота».

Рассказывая нам о своих героях и называя их «людьми, которые не изжили в себе веру в чудеса», автор предвидит вопрос: «Неужели в вашем ауле только такие люди жили?». И говорит, что других он как-

то не запомнил. За этили словами очень важный, на мой взгляд, второй план повести: плохие люди уходят и забываются, а хорошие остаются с нами навсегда. И как по-разному рассказывает автор об уходе разных людей из жизни! Смерть Старшей Матери — сцена, исполненная трагизма. Она уходит, но ее слова, ее образ остаются в душах людей. А как умирает подлый вор Ярулла? «...В один из зимних буранных дней Ярулла исчез. Обыскали всю округу, но так и не нашли. Только ранней весной в соседней деревне возле кладбищенской ограды появился из-под снега почерневший труп старика. Там же, под оградой, его и зарыли». Большого недостойн вор.

Трагедийность и лиризм, пафос и фарсовость — все это увидел я в повести. Возникло ощущение, что она до предела драматургична. Очень захотелось это поставить, но понял, что сам я не должен этого делать. Нужны были для этой работы люди, для которых земля Мустая Карима — их плоть

и кровь. Так подошла идея пригласить на постановку башкирскую группу. Режиссер, художник, композитор, балетмейстер принесли на нашу сцену удивительное ощущение своих национальных корней, их точная, талантливая работа позволила нам избежать этнографичности, передать глубину и ясность этой вещи.

И наш зритель принял ее открытым сердцем. С детьми, я убежден, надо разговаривать предельно открыто, не отделяя своих забот от их забот, своей судьбы — от их судьбы. Спектакль имеет очень сильный эффект воздействия на зрительскую аудиторию.

Если говорить о творчестве Мустая Карима в целом, то перед нами, на мой взгляд, настоящий, большой поэт и философ, не боящийся ставить в своих произведениях самые сложные вопросы человеческого бытия. С этой точки зрения особенно интересны его исторические трагедии, в частности, «Не бросай огонь, Прометей!». Неожиданный взгляд

на историю, на сложившиеся, кажущиеся неизблемыми каноны. В трагедии идет речь об отношении людей к идеалу, к мечте. По концепции автора люди не принимают огонь у Прометей, они не готовы к этому. Против консервативных начал в человеке, которые заставляют его сопротивляться первому удару света, мысли, направлена эта трагедия.

Творчество Мустая Карима давно вышло за пределы его республики — Башкирии, за пределы нашей страны. Это писатель большого уровня. И, мне кажется, его творчество достойно высокой награды, на соискание которой выдвинуты повесть «Долгое-долгое детство» и трагедия о Прометее. А я, как благодарный читатель, жду новых встреч с его героями, которым светят яркие звезды нашего детства.

Алексей БОРОДИН,
главный режиссер Центрального детского театра, заслуженный деятель искусств РСФСР.
МОСКВА.